

ние взятия русскими войсками шведской крепости Нотебург, переименованной впоследствии в Шлиссельбург».

Вот это небольшая частица национальной истории, но и в малой этой частице – как в капле океана, есть все основания для обретения национальной самоидентификации.

К сожалению, в своих некорректных вопросах Черняховский идет еще дальше: «Если в одно историческое время сносятся церкви, но строят гиганты индустрии и отправляют в полет космические корабли, а в другое – строят на местах тех же церквей новоделы или даже восстанавливают остатки этих церквей, но топят свою космическую станцию и превращают в attraction свой самый совершенный космический корабль, – какое из этих времен стоит его продления в будущем?».

Это пишет человек, обличенный научными званиями? Не надо быть ученым, чтобы понимать, что не сносом церквей было обусловлено строительство гигантов индустрии.

Скорее наоборот, несмотря на снос церквей и не только – ведь еще и слом хребта русского крестьянства и иные губительные для души русского человека деяния, – русское национальное примирялось все-таки к советскому... как примеривается человек ко Кресту своему в православной притче. Пришел человек ко Христу... Крест, мол, ты мне дал не по силам, неудобный, не могу с ним жить, дай другой... Господь отвечает: выбирай, вон их сколько, бери любой... Человек Крест свой поставил... целый день выбирал – все не то, не подходит... К ночи уж остановился на одном... и неудобно, и тяжел, но в сравнении с остальными – более ли менее... Выбрал, говорит: вот этот крест возьму... А Господь отвечает: ты с ним и пришел...

Так же вот и русский народ с Советской властью, несмотря на злые деяния ее, все-таки примирился, примерился к ней... принял как Крест... А злые деяния, они потом отзвучивают в нас, в русских людях, в семидесятые годы двадцатого века... Тогда Шукшин во весь голос: «Беру!» – о том, что нельзя человеку без веры, без церкви, иначе – в дикость впадает... Не прочли, не поняли, до сих пор смысла не понимают... Шукшин и прямым текстом сказал: нравственность есть правда... А какая в России может быть нравственность без церкви... без Православия, точнее говоря. Но Православия нет без Церкви, без разделения таинств – исповеди и причащения, нет Православия...

Мой отец Иван Смоленцев в эти же 70-е – начало 80-х в своих стихах произнес:

*Сущий день задавила глушь,
Но в былом дне лежит начало:
Падал колокол...*

Сколько душ
В тот момент с высоты упало.

Мы, люди русские, свою высоту потеряли... душевную, духовную свою высоту, высоту русского духа...

Обрели потом в страшном горниле Великой Отечественной войны... Противостояние Советской России и фашистской Германии было противостоянием Духа... Об этом множество материалов – «духовных практик» германского фашизма... и у нас... Сталин... возвращение Патриаршества, открытие храмов... вновь открытие храмов... В Вятке мне лично пожилой батюшка рас-

сказывал, а он застал очевидца, священника тех времен... тот батюшка отсидел в лагерях десять лет... вернулся домой... и отдышаться еще не успел с дороги... приходит упокоенный: «Пойдем, Храм будешь открывать, служить будешь...». Батюшка, чуть ни в слезы: «Да я же только что десять лет за это отсидел – и опять?..» «Нет, – отвечает упокоенный, – теперь все иначе, открывая храм, служи, никто тебя не тронет...». – Это Советская Россия, 1943 год...

Вот где Великий перелом Курской дуги... Он сначала в душах произошел... и Сталин это всем существом своим понимал... И по Победе – не тост за русский народ, а открытие Троице-Сергиевой Лавры в 1946 году... А что Лавра? – Сердце России, Образ России...

Алексей
СМОЛЕНЦЕВ

Два пути в будущее

Заметки к статье Сергея Черняховского «Помнить о будущем»

А резкость моя связана с тем, что в последнее время я вижу, как «известная часть интеллектуального класса страны» (по Черняховскому) проверяет различными способами потенциал гражданской войны, который в нас, в русских людях, очень высок и всегда активен.

Самый яркий пример – дискуссия о том, кому памятник ставить: Дзержинскому или Александру Невскому... И какие страсти... а организаторы – потенциал гражданской войны в людях русских проверили, и вопрос с повестки сняли... Интересен и выбор фигур: Дзержинский... а чего бы тогда ни Сталин? Тоже ведь – революционер...

Беда в том, дорогие мои соотечественники, люди русские, за которыми для меня каждый житель Земли Русской, какой бы ни был он национальности и вероисповедания, лишь бы любил свою землю и свой народ, – так вот, беда в том, что жива в нас гражданская война... Мы вновь готовы броситься друг на друга... как в 1917... 1991-1993... Болюно писать через дефис 1991-1993... 1993 – надо бы писать отдельно эти горькие цифры, но... эти года взаимосвязаны... хотя 1991 год – это фарс... а 1993 год – это трагедия... Но принимая 1991 год... а мы, люди русские, а вслед за нами и все население России, мы 1991 год приняли... и как было за ним не видеть 1993?.. А мы не видели... Но годы эти совместны...

Но речь не об этом, речь о гражданской войне, которая и до сих пор жива в нас... В нас именно – в людях русских... никакому другому народу, кроме русских, не раскатать было Россию... Мы все ищем истоки революции и гражданской войны в иноземных и инокультурных смутных... а дело в нас самих...

Недаром Бунин в «Окаянных днях» – о национальном составе делателей мировой революции (цитирую по памяти): никого бы не хватало... никаких наций и народностей, если бы русский народ полагал сам себя, и сердце и душу свою, не разорвал... разорвал – и сам своей кровью умылся...

Генерал М.К. Дитерихс... не мистик же, не метафизик, а военная кость, то есть и стратег, и тактик, и аналитик... Дитерихс

говорит: у России два пути – либо Христос, либо олигархия...

Не совсем так, не дословно, но в контексте...

«Научное исследование истории Русского государства говорит, что тенденция современных бояр-западников в борьбе с народной идеологией о власти имела своих предшественников в лице князей-бояр и просто бояр, руководивших тоже человеческой жаждой власти и стремившихся поэтому к учреждению на Руси олигархических принципов власти. Рассказывая об этой борьбе бояр с Иоанном Грозным, профессор Платонов приводит и слова Грозного, определяющие точку зрения царя на необходимость отстаивать свою власть: «Аще убо Царю не повинуются подвластные, никогда же от междоусобных браней престанут... ими же царства растеваются». При этом русский ученый-историк приходит к заключению, что Грозным в этой бор-

бе руководил не только собственный интерес, но и заботы о царстве: «Он отстаивал не право на личный произвол, а принцип единовластия как основание государственной силы и порядка (...) Другой русский ученый, Б.Чичерин, выражает народную идею о власти в политических отношениях еще более определенно: «Бояре не раз старались при выборе царя ограничить его известными условиями. Но эти стремления не находили отголоска в земле, которая справедливо предпосчитала самодержавие олигархии» («Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале»).

И наконец, не сылки на ученых, а прямая речь Дитерихса: «Нет, не спаси России боярам-западникам – демократам с крестьянами, ни боярам-западникам – социалистам с монархией: не спаси России отдельным сословиям, классам и кастам; не спаси ее каким-либо политическим партиям. Россия не может быть ни пролетарской, ни крестьянской, ни рабочей, ни служилой, ни боярской. Россия может быть только – Россией Христа, Россией «всего земли». Надо прочувствовать это, познать это и поверить в это. Здесь нет ни монархистов, ни кадет, ни октябристов,

ни трудовиков, ни социалистов; здесь нет ни классов, ни сословий, ни чиновников, ни генералов, ни офицеров, ни купцов, ни фабрикантов, ни рабочих, ни крестьян. Здесь только одно – национальная Россия с ее исторической нравственно-религиозной идеологией».

Это и есть: либо Христос, либо олигархия.

Отказавшись от Христа... мы получили олигархию... советскую партийную олигархию... Сталин эту олигархию сильно «прифрутил»... отсюда их, олигархов, и тех и нынешних, и до сих пор трясет от этого имени (вот потому и памятник Дзержинскому, а не Сталину, хотя оба революционеры... кстати, вот поэтому «интеллектуальный класс», обслуживающий олигархию, и опасается памяти о Сталине... а не потому, что (по Черняховскому) работать приходилось сутки напролет... Работали не из страха, а из любви к Отчеству... есть такое чувство... знаком ли оно «интеллектуальному классу»?... А в 1991-1993 олигархия просто сбросила маску... переименовалась, точнее...

Напомним значение слова олигархия. Олигархия – образ правления, где вся высшая власть в руках небольшого

числа сердца, часть судьбы, ток крови (это и для меня такое), и которых любое неосторожное слово о «советском» задевает, несуетной болью отзываясь, – я вас понимаю. Слишком много грязи брошено в «советское», меньше чем в «русское», но – много... Отсюда вы и не задумываясь на защиту «советского» встаете...

Но «советское» революции и 20-х годов – оно одно; «советское» Великой войны и послевоенного восстановления страны – другое; «советское» 60-х годов – третье; а вот «советское» 70-х и до крушения Державы – оно и есть, то, к которому сердце прикипело. Но сердце потому и прикипело, что была у советского тех лет возможность, не теряя лучшего в советском, укрепиться, наконец-то русским не подслупно, а очевидно.

Не дали. А еще в «советской сытости» – отношении благополучия 70-х – потерял человек страны Советов нравственные устои. Зашатался человек, внутри себя самого потерял ориентир. А вечная стрелка компаса русской жизни – увереннее еще, чем на «север», ко Христу направлена. Православная Церковь – была невидима, от глаз сокрыта.

Дитерихс, кстати, исследует судьбы русских участников великой трагедии расстрела царственных страсто-терпцев – показывает, что были эти люди, себя потерявшие.

Так и мы, люди русские, себя вновь потеряли к середине 80-х. И... до сих пор не отыщем...

Так вот, «советское» – это часть «русского»... Вот и Смеляков – «Нельзя любить бездумную любовь»...

На историю надо трезво смотреть. К страницам истории, залитым кровью, бережно прикасаться.

В русской жизни было много плохого и страшного, в советском периоде русской истории было много плохого и страшного. В истории всего человечества и отдельных стран и народов – много плохого и страшного.

Но не этим определяются народы, а тем, как они преодолевают «плохое и страшное».

Плохое и страшное – надо знать, уметь видеть и понимать. Чтобы чистые пока еще страницы истории новой кровью не заплыли.

Прямю дороженька: насыпи узкие, Столбы, рельсы, мосты.

А по бокам-то всё косточки русские... Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Николай Алексеевич Некрасов – со-посылок русской народной судьбы – высветил горести ее и боли...

Косточки русские... – они фундамент Величия России... они фундамент Величия России и советского периода...

Помнить об этом... любить без памяти и помнить... жить и помнить...

И Некрасов: «Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?».

И Шукшин, резче уже, взрослому уже Ванечке: «Ванька, смотри! Смотри, Ванька!».

Григорий БЛЕХМАН Горький август Серебряного века

ва его проза, о которой он своему многолетнему учителю той поры В.Я. Брюсову пишет так: «...У меня отсутствует чисто техническое умение писать прозрачные вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горящей любовью я обдумываю какой-нибудь из них. Все идёт стройно и красиво, но, когда подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеку, стараясь выведать у мастеров стили, как можно победить роковую инертность пера... Вообще, мне кажется, что вот-вот рухнет стена, и я пойму, а не научусь, как надо писать...».

Вот это «пойму, а не научусь» – желание «дойти до самой сути» и сделало его в литературе тем, кем он стал. Он «понял» и стал писать прозу так, как не многие из тех, кто считал себя прозаиками. Его новеллы, рассказы, путевые заметки и военные корреспонденции, по словам А.И. Куриной, «дышат жизнью». А получить такой комментарий от знакового прозаика – дорогого стоит.

И в качестве одного из примеров этого «дыхания жизни» рассмотрим небольшой отрывок из военного дневника поэта, который он назвал «Записки кавалериста». Начало войны 1914 года. Он добровольцем идёт в армию и получает направление к границе Восточной Пруссии, где на передовой напишет:

Та страна, что могла быть раем,
Стала лозовищем огня,
Мы четаветый день наступаем,
Мы не ели четыре дня...

И там же – на границе – делает такую запись: «Я часто думаю... о глубокой разнице между завоевательными и оборонительными периодами войны. Конечно, и тот и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и заво-

донимами. Некоторые из них он держит в секрете даже от сотрудников журнала. Именно там впервые – и первые критические опыты поэта, и первая проза, о которой он своему многолетнему учителю той поры В.Я. Брюсову пишет так: «...У меня отсутствует чисто техническое умение писать прозрачные вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горящей любовью я обдумываю какой-нибудь из них. Все идёт стройно и красиво, но, когда подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеку, стараясь выведать у мастеров стили, как можно победить роковую инертность пера... Вообще, мне кажется, что вот-вот рухнет стена, и я пойму, а не научусь, как надо писать...».

Вот это «пойму, а не научусь» – желание «дойти до самой сути» и сделало его в литературе тем, кем он стал. Он «понял» и стал писать прозу так, как не многие из тех, кто считал себя прозаиками. Его новеллы, рассказы, путевые заметки и военные корреспонденции, по словам А.И. Куриной, «дышат жизнью». А получить такой комментарий от знакового прозаика – дорогого стоит.

И в качестве одного из примеров этого «дыхания жизни» рассмотрим небольшой отрывок из военного дневника поэта, который он назвал «Записки кавалериста». Начало войны 1914 года. Он добровольцем идёт в армию и получает направление к границе Восточной Пруссии, где на передовой напишет:

Та страна, что могла быть раем,
Стала лозовищем огня,
Мы четаветый день наступаем,
Мы не ели четыре дня...

И там же – на границе – делает такую запись: «Я часто думаю... о глубокой разнице между завоевательными и оборонительными периодами войны. Конечно, и тот и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и заво-

еять право на прочный мир, но ведь на настроенная отдельного воина действует не только общие соображения, – каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косяк луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте. Эти шоссейные дорожки, разбегавшиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рожи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед, и так близки показались мне мечты Ермака и дружих представителей России, завоевывающей и торжествующей. Но эта ли дорожа в Берлин, пышный воярод солдатской культуры, в который надлежит войти не с ученическим посухом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?..».

Не правда ли, полная картина и места, и времени, и деталей быта, и психологического состояния бойца. И всё это в коротком отрывке, без лишнего слов, но так, что видишь и чувствуешь происходящее в малейших подробностях.

А вот совсем о другом – о скрипке Страдивариуса: «Мэтр Паоло Белличчи писал свое соло для скрипки. Его губы шевелились, напевая, нога нервно отбивала такт, и руки, длинные, тонкие и быстрые, как бы от проказы, рассеянно гнули гибкое дерево смычка. Многочисленные ученики мэтра боялись этих старинных рук с пальцами, похожими на белых индийских змей... Начало его соло было прекрасно. Мозучий подъём сразу схватывал лёгкую стаю звуков, и, переложив, перебивая друг друга, они стремительно мчались на какую-то неведомую вершину, чтобы распуститься там мировым цветком – величавой музыкальной фазой. Но этот последний решительный взлёт никак не давался старому мэтру, хотя его чувства были напряжены и пронзительны чрезвычайно... И с безумной надеждой отчаяния старый мэтр схватился за скрипку, чтобы она закрепила ускользающее, овладела для него недоступным. Напрасно! Скрипка, покорная и нежная, как всегда, смеялась и пела, скользила по мыслям, но доходя до рокового предела, останавливалась, как кровавый арабский конь, сдержанный лёгким движением удил. И казалось, что она ласкается к своему другу, моля простить её непослушание...».

Итак во всём, что есть в его прозе – о радости земной жизни, принцессе Заре, Африканской охоте... Читаешь, и трудно оторваться, потому что поэзии там не меньше, чем в стихах и поэмах.

Но вернёмся к его размышлениям о жизни стиха: «...Происхождение отдельных стихотворений таинственно схоже с происхождением живых организмов. Душа поэта получает толчок из внешнего мира, иногда в неизбывно яркий миг, иногда смутно, как зачатие во сне, и долго приходит-ся вынашивать зародыш будущего творения, прислушиваясь к робким движениям ещё неокрепшей новой жизни. Все определяет её будущую судьбу. Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью. Наконец, в муках, схожих с муками деторождения, появляется стихотворение. Благо ему, если... крошечный, как го-

лубь, он стремился передать уже выношенное, зотовое, и мудрый, как змей, старался заключить всё это в наиболее совершенную форму.

Такое стихотворение может жить века, переходя от временного забвения к новой славе...».

Эта же мысль, может быть, ещё более ярко звучит в его стихотворении «Правый путь»:

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни.
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки
на ваварской тризне.

Выйдешь к природе!
Природа враждебна,
Всё в ней пугает, всего в ней много,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не своему и ненужному богу.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли –
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Что ж, это путь величавый
и строгий:
Плакать с осенним
пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.
Это трепетное отношение к «царственным мыслям» (и «царственным звукам») у него изначально: вернёмся к стихотворению «Волшебная скрипка», написанному задолго до этого, и продолжим его читать:

...Надо вечно петь и плакать
этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться
обезумевший смычок,
И под солнцем, и под выюгой,
под белеющим буруном,
И когда пылат запад,
и когда горит восток...
И хотя здесь речь идёт о музыке, но размышления значительно шире – о Художнике вообще. О том, что с ним происходит, когда он «получает толчок из внешнего мира, который определяет его будущую судьбу».

в позу героя, перенимает его мимику и телодвижения и, благодаря внешней своего тела, испытывает то же, что сам поэт, так что «мысль изреченная» становится уже не ложью, а правдой, а читающий стихотворение испытывает то же, что сам поэт...».

И продолжает эту мысль так: «... чтобы быть достойным своего имени, стихотворение... должно быть безукоризненно даже до несправедливости. Потому что индивидуальность стихотворению придают только сознательные отступления от общепринятых правил, причём они любят ридаться в бессознательные... Эти несправедливости играют роль родинки, по ним легче восстановить в памяти облик целого...».

Правда, в его чеканном и изысканном стиле таких «родинки» почти не встретишь. Но если поискать, то, может быть, пожалуй, здесь:

Какая смертная тоска
Нам приходит и ждать напрасно.
А если я попал в Чека?
Вы знаете, что я не красный!
Нам приходит и ждать напрасно,
Пожалуй, силы больше нет.
Вы знаете, что я не красный,
Но и не белый – я поэт!
Пожалуй, силы больше нет
Читать стихи, писать доклады.
Но и не белый я поэт.

Мы все политике не рады.
Писать стихи, читать доклады,
Рассматривать частицу «как»...
Путь к славе медленный, но верный:
Мы трибуна – Зодиак!
Высоко над земною скверной
Путь к славе медленный, но верный.
Но жизнь людская так легка!
Высоко над земною скверной...
Такая смертная тоска!

Но эти «родинки», пожалуй, исключение, не характерное для его стихов. Видно, он чувствует, что они ему не нужны. Ведь и в этом стихотворении в первую очередь обращаешь внимание на «я поэт... писать стихи, читать доклады, рассматривать частицу «как»... мы трибуна – Зодиак», то есть, на литературную работу и размышления над словом. А уже потом – на нехарактерные для него «неправильности» в построении стиха.

В своей статье «Читатель» поэт подробно пишет, как пришёл к пониманию знаменитого: «Слово – это Бог», а также, о взаимоотношениях поэзии и религии: «Поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты. И та, и другая требуют от человека буквенной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим. Этика приспособляет человека к жизни в обществе, эстетика стремится увеличить его способность наслаждаться. Руководство же в перерождении

человека в высший тип принадлежит религии и поэзии. Религия обращается к коллективу. Для её целей... необходимы совместные усилия... Поэзия всегда обращается к личности. Даже там, где поэт эвоорит с толпой, – он говорит отдельно с каждым из толпы. От личности поэзия требует того же, чего религия от коллектива. Впервые, признания своей единственности и всемогущества, во-вторых, усовершенствования своей природы. Поэт, понявший «трав неясный запах», хочет, чтобы то же стал чувствовать и читатель. Ему надо, чтобы всем «была звёздная книга ясна» и «с ним говорила морская волна». Поэтому поэт в минуты творчества должен быть обладателем какого-нибудь ощущения, до него не осознанного и ценного...».

И в стихотворении «Память» он скажет о себе сначала в третьем лице:

...Он повесил вывеску поэта
Над дверями в мой молчаливый дом...
А потом и в первом:
...Я – Уярмий и упрямый зодчий
Храма, возстающего во мгле...
Вспомним, что о рождении поэтического слова у него самого – напишет в стихотворении «Правый путь»:
В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни.
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки
на ваварской тризне...

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли, –
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли...

А в статье об этой «царственной мысли» – о самостоятельной жизни слова, рождённого поэтом, которое он отпускает в пространство, пока (или ещё) не зная судьбы этого слова, он рассуждает так: «Выражая себя в слове, поэт всегда обращается к кому-то, к какому-то слушателю. Часто этот слушатель – он сам, и здесь мы имеем дело с естественным раздвоенным личностью. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не являющийся другом, или возлюбленная или, иногда это Бог, Природа, Народ... Однако ни для кого, а для поэта тем более, не тайна, что каждое стихотворение находит себе живого, реального читателя среди современников, порой потомков. Этот читатель отнюдь не достоин того презрения, которым так часто обмывали его поэты. Это благодаря ему печатаются книги, создаются репутации, это он дал нам возможность читать Гомера, Данте и Шекспира. Кроме того, никакий поэт и не должен забывать, что он сам, по отношению к другим поэтам, тоже только читатель...».